

Джусупбеков А.К., Сариева Г.О.

ФИЛОСОФСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СТРУКТУРЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НОМАДОВ

A.K. Dzhusupbekov, G.O. Sarieva

PHILOSOPHICAL INTERPRETATION STRUCTURE OF THE ETHNIC NOMADIC IDENTITY

УДК: 141.8

Актуальность этой статьи это анализ основных уровней этнической идентичности номадов и постномадов.

The importance of this article is analyzing of the main levels of ethnic identity of nomadic and post nomadic people.

Для философского анализа основных уровней этнической идентичности номадов и постномадов первостепенное значение имеет оперирование важнейшими философскими категориями общего и особенного, целого и части, идеального и материального, прошлого и настоящего.

Так, отдельный человек осознанно или неосознанно идентифицирует себя с нацией как всеобщим, со всем тем, что свойственно его согражданам, например, языком, культурой, традициями, этнонимом, территорией государства, государством, с определенной физиономией, символами, национальным характером и темпераментом, окружающей природой, образом жизни и т.д. и при этом всякий отдельный кыргыз отличает себя от своих земляков, и, тем не менее, всем им вместе присущи качества быть кыргызами. Это означает, что особенное (отдельный человек), всеобщее (нация) в этом случае не отличаются друг от друга, но образуют сплав. В случае учета многоуровневости этнической идентичности, то региональная идентичность или родоплеменной уровень этнического самосознания могут выступать чем-то особенным по отношению к нации как всеобщему, а отдельный индивид в этом случае может рассматриваться как единичное по отношению к нации как всеобщему, к региональной и родоплеменной общностям соответственно как к особенному. Если же трактовать этнорегиональную общность как общее, то соответственно родоплеменная общность может осознаваться как особенное и т.д.

В зависимости от того, что мы считаем общим и отождествляем себя с ним соответственно идет идентификация более низкими уровнями самосознания как особенным. А каждое отдельное от всеобщего становится особенным. Таким образом, можно трактовать нацию как целостность и идентификация с нацией есть, следовательно, отождествление с ней как с целостностью. Хотя в жизни эта осознанная идентификация осуществляется лишь с частью нации, а именно с тем, что прямо находятся перед глазами, или же с тем, что человеку нравится в ней, что

управляет его языком, положением, поведением, наконец, с тем, к чему он формирует доверительно близкое отношение. Действительно, например, атбашинец непринужденно идентифицирует себя со своими земляками односельчанами (нарынцами, северянами), потому что он их знает, в той или иной степени близок к ним, а вот отождествлять себя, например, с баткенцами или ляйлякцами ему намного сложнее из-за диалектных различий в языке, культуре, обычаях, традициях, образе жизни. Поэтому осознание тождества с понятной, близкой частью кыргызской нации для атбашинца проходит естественным образом, то с той частью кыргызов, которая имеет свои особенности, носит больше декларативный, умозрительный характер.

Чем уже кругозор, слабее внутриэтнические и межэтнические контакты, тем меньше та часть нации, с которой индивид осознанно отождествляет себя. Однако, в сцеплении, части нельзя отделить от целого, они находятся с ним в явной и неявной связи. Часто знакомая, близкая часть нации противопоставляется другим частям. На бытовом уровне часто встречается, когда северяне южан считают неполноценными кыргызами, называя их сартами. В свою очередь, южане называют северян аркалыками и отчуждаются от них. В Чуйской долине сельские жители всех нарынцев называют обычно саяками, подразумевая под этим людей, которым присуща ловкость, живучесть, хитрость, а южан - сартами, то есть, больше узбеками, чем кыргызами. После того, как большая группа южан переехала на постоянное жительство в Чуйскую область и Бишкек, местные жители сделали для себя открытие, оказывается нарынцы намного более кыргызы, т.е. ближе к чуйским кыргызам, чем южане. Это означает, что идентификация это не статичное явление, а постоянно развивающиеся процессы, которые будут впитывать в себя все новое из прошлого и настоящего, включая как действительные, так и ложные стереотипы.

Не обязательно процесс этнической идентификации развивается поступательно в прогрессивную сторону, т.е. консолидируя в единую целостность части нации, могут быть и отклонения в сторону дезинтеграции, дробления целого на части. Например, автору встречались люди, которые искали пути, чтобы добиться признания кыпчаков как этноса, название которого наряду с

кыргызами можно было бы вписать в разряд «национальность».

Сельские кыргызы городскую часть кыргызов называют «киргизами», т.е. обрусевшей частью кыргызов, неполноценными кыргызами, в свою очередь городские кыргызы сельских называют «мыркымбаями» или «мыргызами», т.е. отсталой, малокультурной частью кыргызской нации. Но, несмотря на эти противоречия и городская и сельская части кыргызской нации, это части единой целостности, и их никак нельзя отделить от целого, они взаимосвязанные феномены.

Тем более, после массовой внутренней и внешней миграции, этнонационального возрождения, углубленного изучения кыргызского языка, культуры, истории, роста этнонационального самосознания усиленными темпами развивается урбанизация сельских кыргызов и этнизация городской части кыргызов, благодаря чему стираются различия между этими социальными слоями кыргызской нации. Таким образом, укрепляется целостность нации, консолидированность кыргызского этноса. То же касается сотен тысяч кыргызов-мигрантов в зарубежных странах, особенно в России и Казахстане, где в основном они проживают и трудятся в городах, причем в крупных, что способствует их урбанизации и тем самым сближает с городской частью кыргызского населения.

Что же касается этнорегионального уровня этнической идентичности, то с точки зрения философских категорий части и целого, то идет интенсивное смешивание населения из различных регионов и локальных местностей. Так, например, часть населения с Юга Кыргызстана, много лет проживающая на Севере республики считается на Юге аркалыками, хотя сами себя на Севере они относят к южанам, каковыми их и относят северяне. Но, несмотря на это, данные части южан составляют единую этнорегиональную целостность южных кыргызов. И в условиях массовой миграции с Юга на Север, различия между южными кыргызами и северными мигрантами стираются и эта целостность - консолидируется.

Такой же анализ соответствует при рассмотрении этноидентификационных процессов на родоплеменном уровне. Как известно, представители одного и того же племени могут жить компактно в различных регионах Кыргызстана. Так, например, представители племени саяк компактно большими группами проживают и в Нарынской, и Джалалабадской, и Чуйской, и Иссык-Кульской областях. Исторической родиной саяков считается Джумгальская долина, поэтому тамошних саяков называют в народе суперсаяками, т.е. истинными саяками. Но, и джумгальские, и чуйские, и иссыккульские, и токтогульские, и тогузтороузские и сусамырские саяки - это различные части единого племени саяк, и представители этого племени, различных его частей идентифицируют себя как с частью племени,

так и с самим племенем. Например, сусамырские саяки добились включения Сусамырской долины в состав Чуйской области, как наиболее развитого региона республики, тогузтороузские саяки вошли в состав Джалал-Абадской области, также более развитой по сравнению с Нарынской областью. Хотя этнически они ближе к нарынчанам. Так же как сусамырцы, которые вошли в состав чуйцев, этнически более далекие, чем нарынчане. Таким образом, этническая составляющая менее значима и престижна, чем социально-экономические и коммуникационные выгоды.

Анализируя основные уровни этнической идентичности с позиций таких философских категорий, как идеальное и материальное, то следует, прежде всего, констатировать, что этническое самоотождествление это социально-психологический феномен, явление духовного порядка. Но объект и субъект идентификационного процесса существует и физически, т.е. имеет материальное воплощение. В нашем случае, это народность, этнонация, этнорегиональные и родоплеменные общности с их суб- и супервариациями. Наиболее наглядно этническая идентичность и ее различные уровни материализуются, а точнее - персонифицируются в качестве значимых символов той или иной этнической общности. Это, в первую очередь, герои, исторические личности, не обязательно реально существовавшие в прошлом, лидеры, даже мифологического происхождения, т.е. отождествляется идеальное в той или иной этнической общности с самыми лучшими идеальными проявлениями той или иной этнической общности в лице выдающихся представителей того или иного этноса, т.е. с идеальным материальным. Таким образом, этническая идентичность, как идеальное явление, персонифицируется обычно в наилучшем материальном или физическом в лице наиболее выдающихся представителей своего этноса. В этом проявляется единство идеального и материального. Материализация этнической идентичности выражается также в культивировании символов - знамен, флагов, гербов, гимнов, этнонимов, политонимов. К подобным символам следует отнести родную природу, наиболее значимые части ландшафта, флоры и фауны. У кыргызов материализация этнической идентичности находит свое воплощение в образе гор Ала-Тоо, озера Иссык-Куль, горы Сулайман-Тоо, снежного барса, высокогорных яков, быстрейших иноходцев, зорких беркутов, горных козлов, ореховых лесов Арсланбоба, урюковых плантаций Баткена, высокогорных альпийских лугов - джайлоо, озер Сары-Челек, Сон-Куль, Чатыр-Куль и т.д. и т.п.

Для процесса национальной идентификации первостепенную роль играет история, важнейшие события прошлого. Это касается, в первую очередь, и процесса этногенеза, который может выражаться как в научной интерпретации, так и в мифотворчестве. Для этнического самосознания

кыргызов большую роль играют исторические события 2200-летней давности - первого упоминания о существовании кыргызской государственности, период кыргызского великодержавия енисейских кыргызов, борьба против кокандских ханов, присоединение к России, геноцид кыргызского населения 1916 года, октябрьский переворот и перемены в жизни, начавшиеся после него, приобретение кыргызами своей государственности, участие в Великой Отечественной войне, всесторонний прогресс Киргизской ССР, приобретение независимости после развала СССР, эпоха акаевского и бакиевского правления, апрельские события 2010 года. Весь этот комплекс выдающихся исторических событий в совокупности с другими, которых ждет переоценка или еще не открыты или не стали достоянием нации, составляет исторический фундамент национальной идентификации кыргызов и представляет собой сплав материального и идеального.

В таком же ключе следует рассматривать и персонификацию и материализацию идеального в процессе этнической идентификации на этнорегиональном и родоплеменном уровне. Каждая историческая личность, национальный герой или лидер являются уроженцами того или иного этнорегиона, того или иного племени и соответственно наряду с национальным уровнем являются персонификацией, соответствующей этнорегиональной и родоплеменной идентичности. Кроме выдающихся персон, имеются личности местного, локального, регионального масштаба, родоштенного значения, материализация этнической идентичности низших уровней реализуется в культивировании той или иной части природного ландшафта, на которой проживают компактно представители того или иного племени, этнорегиональной общности.

Часто используются мифологические образы. Например, символом и этнонимом племени сарыбагыш является серый лось, который не водится ни в Кеминском районе, ни в Кочкорской долине - малой родине сарыбагышей. По всей видимости; этот символ идет из енисейского периода кыргызской истории. Аналогично это же касается и племени Бугу - рогатой матери оленихи. Каждое племя имеет свой тамга - символический знак, выполняющий функцию племенного герба. Это тоже материальное выражение идеального, т.е. родоплеменной идентификации.

Известно, что общенациональным этносом является эпос «Манас», но есть множество таких эпосов, где описываются подвиги героев, являющихся символами тех или иных родов и племен. Это относится и к этнорегиональной идентичности.

Часто, в зависимости от политической конъюнктуры, от результатов изученности, исследования исторического прошлого возникают и конструируются новые символы. В постсоветский период общенациональное значение приобрела

деятельность алайской царицы Курманджан-датки, чего не было в годы советской власти.

Большую значимость приобрели образы Шабдан-батыра, Атаке-бия, Курманбека, «Исторические записки» Сыма Цяня, где впервые упоминается о существовании кыргызской государственности 2200-летней давности, история города Ош, насчитывающая 3000 лет, эпос «Манас», 1000-летие которого отметила мировая общественность. Все это есть наглядные примеры единства материального и идеального, огромного потенциала для конструирования национальной идентичности.

Процесс материализации идеального и идеализации материального в этнической идентификации охватывает и в создании новых памятников, возведении культурных архитектурных объектов, выделении национально значимых мест, музейной деятельности, интерпретации старых памятников и архитектурных строений.

В новейшей истории Кыргызстана в этом плане делается многое, так как это материальная основа этнической идентичности кыргызов и даже кыргызстанцев. Это и создание комплекса «Манас айлы» в г. Бишкек, и выделение территории вокруг гумбеза Манаса в Таласе в качестве музея под открытым небом, создания музея петроглифов в г. Чолпон-Ата, создание мемориального комплекса «Ата бейит» под г. Бишкек, реставрация комплекса вокруг башни «Бурана». Поставлены памятники выдающимся деятелям в кыргызской истории - Шабдан батыру, Атаке-бию, Курманджан-датке, Курманбек-батыру, Исхаку Раззакову, Жусупу Абдрахманову, Кожомкулу и другим.

Музейная, архитектурная деятельность, создание памятников - это есть процесс материализации этнической идентификации. Причем, часто инициативу и активность проявляют представители того или иного региона, местности, рода или племени, к которым относится данный герой, лидер или историческая личность.

Здесь идут речь о различных уровнях этнической идентичности, когда тот или иной герой являются одновременно общенациональным, так этнорегиональным и родоплеменным символом. Часто этот процесс - отражение деятельности тех или иных региональных, родоплеменных или общенациональных элит по конструированию этнической идентичности в зависимости от своих интересов, интересов того или иного племени, региона, страны.

Хотя для постномадов в условиях суверенитета национальной государственности этнонациональная идентичность тождественна национальной (гражданской) идентичности в объективном смысле это не совсем корректно по отношению к другим этносам, проживающим в республике, которые составляют треть населения. Почти о полном совпадении этнонациональной и гражданской идентичности можно утверждать только в условиях моноэтнических государств, таких как

Япония, Армения, где абсолютное большинство составляет государство-образующий этнос и мизерный процент этнических меньшинств сознательно и бессознательно ассимилирован почти полностью.

Из постномадов, только монголы близки к подобной модели, когда эти идентичности фактически тождественны. А в других государствах, где радикальным этносом являются постномады, отмечается двойственность национальной идентичности. С одной стороны это осознание своей этнической идентичности, а с другой - приверженность и лояльность своей гражданской идентичности. Если у постномадов сильная тенденция к такому отождествлению этих уровней национальной идентичности, то у некоторых этносов заметны различия и противоречия между гражданским и этническим самосознанием. Сильна тенденция отождествлению своей этнической идентичности со своей этнонацией и исторической родиной. Например, русские не прерывают идентификационную связь с русским народом, с Российской Федерацией, узбеки - с узбекским народом и Узбекистаном, евреи - с еврейским народом и Израилем, немцы - с немецким народом и Германией, и т.д., хотя и являются гражданами Кыргызстана, осознают себя кыргызстанцами. Поэтому очень сложно установить насколько идентификационно этническим группам Кыргызстана ближе кыргызы или представители своей национальности, составляющие большинство населения на своей исторической родине, или проживающие в других странах. Но, одну особенность следует отметить, что постномады, в целом, в синхронном и диахронном развитии не склонны ассимилировать этнические меньшинства, для них это происходит естественным образом. В Кыргызстане можно привести только пример сарткалмаки, части казахов, уйгуров, которые ассимилировались кыргызами, причем при сохранении своей этнонациональной идентичности.

Все выше сказанное подводит к мысли о том, что для консолидации национальной идентичности кыргызстанцев, необходимы поиски общих антропологических и исторических оснований, объединяющих и связывающих между собой естественными узлами многонациональное население республики в единую нацию в современной трактовке. При этом следует отметить, что уже сложилась целая прослойка между постномадами и этническими меньшинствами Кыргызстана, которая выступает между ними как этнический мост. Это межнациональные семьи, городские

кыргызы, представители нацменьшинств, проживающие в населенных пунктах, где абсолютное большинство составляют кыргызы. К этой прослойке, на наш взгляд, следует отнести и значительную часть кыргызов, работающих, обучающихся и проживающих за рубежом, особенно трудовых мигрантов в России и Казахстане, которых насчитывается сотни тысяч. Они приобрели большой многолетний опыт межнационального общения, сформировали свою национальную идентичность. Конечно, среди них не редко встречаются люди, получившие негативные уроки межнационального общения из-за произвола тамошних властей, шовинистического поведения части местного населения. Но, в целом, межнациональное общение способствует более терпимому отношению к представителям других национальностей. Подобные установки позволяют более тесной консолидации кыргызстанского общества, становлению общекрыргызстанской идентичности.

Таким образом, социально-философская концепция многоуровневости этнической идентичности номадов это попытка распространения социальной философии, как метода и системы на этническую идентичность людей, как представителей номадической культуры и цивилизации, а также поиска синтеза результатов непосредственного изучения основных уровней идентичности номадов. Помимо методологической и обобщающей (синтезирующей) функции, социально-философская концепция способна интегрировать и координировать междисциплинарный подход к изучению проблем этнической идентичности номадов, как в синхронном плане, так и в диахронной последовательности.

Литература:

1. Абрамзон СМ. Кыргызы и их этногенетические историко-культурные связи. – Ф., 1990. -480с.
2. Айтбаев А.А. Менталитет кыргызского народа: теория и практика. - Бишкек, 2006. - 249с.
3. Джунушалиев Дж. Традиционный общественный строй и культура быта кыргызов. // Цивилизация скотоводов и земледельцев Центральной Азии. - Самарканд-Бишкек, 2005. - С. 258-270.
4. Джунушалиев Дж., Плоских В. Трайбализм и проблема развития Кыргызстана. Центральная Азия и Кавказ. - Стокгольм, 2000. - № 3 (9) - С. 146-163.
5. Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. - М., Наука, 2001. - 235с.
6. Хюбнер К. Нация: от забвения к возрождению. Перевод с немецкого Антоновского А.Ю. - М.: Канон, 2001.- 400с.

Рецензент: д.филос.н., член-корр. НАН КР Аскарров Т.